

ЕРМАКЪ, ПОКОРИТЕЛЬ СИБИРИ.

1581 — 1584 г.

Пусть Испанія гордится Колумбомъ, открывшимъ Америку, новую часть свѣта, богатую благородными металлами и драгоценными каменьями. Пусть Португалія славится Васко де Гамою, который отважился пуститься по неизвѣстному до него морскому пути, объѣхалъ южный мысъ Африки и открылъ Европейцамъ путь въ Восточную Индію. Пусть и другія Государства восхищаются великими дѣлами своихъ героевъ. Но и наше Отечество, пространная и Богомъ благословенная Россія, украшается своими Колумбами и Васко де Гамами. Стоитъ только раскрыть Исторію Государства—завѣса съ вѣковъ прошедшихъ поднимется и испытующему взору представится длинный рядъ именъ ихъ. Я намѣренъ сказать только объ одномъ изъ нихъ, близкомъ къ сердцу насъ, Сибирскихъ жителей, объ Ермакѣ, покорителѣ Сибири.

Ермакъ, а правильнѣе Василій Тимоѣевичъ,¹ родился не въ великолѣпныхъ чертогахъ вельможъ, не отъ родителя, прославленного храбростію, или другими качествами и достоинствами.

¹ Въ то время было обыкновеніе давать людямъ имена по ихъ нравственнымъ свойствамъ; не только простомудрыя, но и знатные сановники, назывались въ Государственныхъ бумагахъ: Тишинами, Истомами, Неудачами и проч., съ прибавленіемъ Христіанскаго отчества (Исторія Россійскаго Государства, Карамзина, т. IX, гл. 7-я, страница 458, изданія 1834 г.). Чеботай Ѳеодоровъ, Алмазь Ивановъ, Третьякъ Васильевъ, Бѣляница Лаврентьевичъ. По тогдашнему Волжскому нарѣчію Ермакъ означалъ жерновый камень. Это названіе дано Василью Тимо-

Отецъ его былъ посадскій человекъ и прозывался Аленинъ. Бѣдное состояніе заставило его отдать сына своего, Василия, достигшаго совершеннаго возраста, въ работу на суда, ходившія по Волгѣ и Камѣ. Тамъ нѣсколько времени онъ находился между товарищами различныхъ правовъ. Потомъ оставилъ судовое ремесло и перешелъ на Волгу, а потомъ на Донъ, въ общество вольныхъ людей, которыхъ Исторія называетъ Казаками. Крѣпость силъ тѣлесныхъ, разсудительность, духъ предпримчивости, неустрашимость при нападеніяхъ, доставили ему званіе Атамана. Находясь въ этомъ обществѣ нѣсколько времени, онъ, съ своими товарищами, подъ именемъ «удальства», производилъ грабежи по Волгѣ и Дону. Наконецъ, Посланникъ отъ Персидскаго Двора, отправленный къ Россійскому Царю, дерзнувшій оскорбить самолюбіе Ермака и его Казаковъ, кончилъ жизнь свою подъ остріемъ меча ихъ. Вскорѣ вѣсть объ этомъ злодѣйствѣ дошла до Государя. Иванъ IV, для поимки этихъ злодѣевъ, послалъ войско подъ начальствомъ Казанскаго Воеводы, Стольника Ивана Муранкина, который пойманныхъ казнилъ смертію, но многіе спаслись бѣгствомъ: къ нимъ принадлежалъ Ермакъ съ Казаками.

Татарскій Ханъ Кучумъ, овладѣвшій Сибирью, сначала искалъ благоволенія Ивана IV, но въ послѣдствіи успѣвшійся, уже не исполнилъ обязанностей данника. Онъ возбуждалъ Черемисовъ къ бунту противъ Государя Московскаго и подъ смертною казнію запрещалъ Юграмъ и Остикамъ платить дань Россіи. Въ 1573 г. онъ послалъ своего племянника, Маметкула, развѣдать и, если можно, истребить всѣ Русскія заведенія въ окрестностяхъ рѣки Камы. Маметкулъ явился съ войскомъ, какъ непріятель, умертвилъ тамъ многихъ жителей, взялъ въ полонъ женъ и дѣтей и Московскаго Посла, Третьяка Чебукова, ханшаго въ Киргизъ-Кайсацкую Орду; но узнавъ, что въ городахъ Чусовскихъ довольно ратныхъ людей и пушекъ, бѣжалъ назадъ. Именитые люди Строгоновы, имѣвшіе свои поселенія по рѣкамъ Чусовой и Камѣ, донесли объ этомъ Ивану IV и просили Указа строить крѣпости, чтобы стѣснить Кучума въ его владѣніяхъ и утвердить

ѣвнечу товарищами на Волгѣ, вѣроятно, въ означеніе его твердаго, какъ камень, характера и крѣпости силъ тѣлесныхъ.

безопасность Русскихъ. Они не просили ни войска, ни оружія, но единственно жалованной грамоты на землю непріятельскую, и получили ее, отъ 30 Мая, 1574 г. Въ грамотѣ этой написано, что Яковъ, Григорій и Семенъ Строгоновы² могутъ укрѣпиться на берегахъ рѣки Тобола и вести войну съ измѣнникомъ Кучумомъ. Въ то время Ермакъ съ своими Казаками скрывался на рѣкѣ Камѣ, въ опасости быть пойманными. Максимъ Строгоновъ послалъ къ нему письмо, въ которомъ убѣждалъ его и дружину оставить разбойничество, быть воинами Царя Бѣлаго, примириться съ Богомъ и Россією и ити воевать Сибирскаго Царя, Кучума. Прочитавъ это письмо, Ермакъ прослезился отъ умиленія. Мысль свергнуть съ себя оналу честными дѣлами, Государственною заслугою, и переимѣнить имя грабителей на имя добрыхъ воиновъ Отечества, тронула сердца грубыя, но не лишеныя еще совѣсти. Какъ бы глубоко ни спала совѣсть, но бываютъ въ ней сильныя потрясенія, въ минуту дѣйствій благодатныхъ. Голосъ свыше назначеннаго призванія отозвался въ душѣ Ермака.³ Онъ поднялъ знамя и прибылъ съ Казаками къ Строгоновымъ, которые добавили ему ратниковъ, такъ что составилось всего войска до 5000 человекъ,⁴ снабдили ихъ провіантомъ, огнестрѣльнымъ оружіемъ, вожатыми изъ Зырянъ и Воголовъ и знаменами съ святыми изображеніями. Атаманъ Ермакъ учредилъ полки, назначивъ начальниковъ въ родѣ Полковниковъ; это были: Иванъ Коль-

² Отецъ ихъ, Аника Федоровичъ Строгоновъ, основатель Пермскихъ соляныхъ варницъ по рр. Камѣ и Чусовой, на пожалованной ему, въ 1554 г., Царемъ Иваномъ IV землѣ. Онъ такъ былъ богатъ, что болѣе трехъ столѣтій идетъ поговорка, когда говорятъ о весьма богатомъ человекѣ: «Онъ богаче Аники Строгонова.» Этотъ Аника построилъ, въ 1560 г., своимъ иждивеніемъ, Писковскій Преображенскій монастырь, на рѣкѣ Пискѣ, при впаденіи въ Каму. Аника, по смерти жены своей, Софій, припалъ къ химу, съ именемъ Іоасафа, и скончался въ 1570 г., въ бытность Настоятеля монастыря Игумена Варлаама.

³ Будучи въ дѣтствѣ, я слышалъ старинную пѣсню отъ старыхъ людей объ Ермакѣ, изъ которой напоминаю только нѣсколько словъ: «Какъ возговорилъ атаманъ Ермакъ своимъ товарищамъ: Ой вы гои еси, мои друзья товарищи! Во Казань-то ити намъ, быть пойманнымъ, во Москву-то ити—быть погнѣннымъ. Не лучше ли намъ, братцы, во Сибирь ити, во Сибирь ити, Царя Кучума воевать.»

⁴ Сибирская Лѣтопись, рукопись, принадлежащая библиотекѣ Тобольской Семипаринъ 1580 г., отдѣлъ 4. — Исторія Миллера книга 1, ч. 2, § 33.

цо, Иванъ Гроза, Никита Мещерякъ, Яковъ и Матвѣй. Послѣ совершенія Господу Богу, въ напутствіе молебна, Ермакъ выслушалъ наказъ Строгоновыхъ: «йти съ миромъ, очистить землю Сибирскую и выгнать безбожнаго Солтана Кучума.» Ермакъ и дружина, съ обѣтомъ доблести и цѣломудрія, взяли съ собою двухъ Священниковъ, подвижную, во имя Святителя Николая, часовню съ иконами, и 12 Іюня, 1579 года, отправились на стругахъ водою въ Сибирь.

Ермакъ съ Казаками четыре дня плыли въ верхъ по рѣкѣ Чусовой до Уральскаго хребта и между горами, подъ навислыми ихъ скалами, два дня рѣкою Серебрянною, и ею достигли, такъ называемаго, нуты Сибирскаго. Тутъ остановились, и разсуждая, что ожидаетъ ихъ впереди, для безопасности, отъ нападенія обитавшихъ тамъ племень, сдѣлали земляное укрѣпленіе, давъ ему имя «Кокуй городокъ.» Оттуда черезъ Волокъ перевезлись до рѣки Журавли. Этою рѣкою и Тагиломъ вошли въ рѣку Туру и область Сибирскаго Царства, и тамъ въ первый разъ обнажили мечъ завоеванія. Проѣзжая рѣкою Турою, Ермакъ съ своею дружиною слѣдовалъ въ городокъ Епанчинъ, гдѣ проживалъ Татарскій Князецъ Епанча, у котораго не только окружные Татары, но и Вогулы, были въ подданствѣ. Этотъ Князецъ набралъ множество народа, чтобы Ермаку въ проѣздѣ воспретивствовать. Епанча сдѣлалъ нападеніе въ томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится село Уссуново. Оттуда рѣка Тура идетъ къ сѣверу излучиною, которая у Епанчина оканчивается. Это мѣсто Епанчѣ казалось удобнымъ. Между тѣмъ Ермакъ, съ своимъ войскомъ, плыли по рѣкѣ далеко кривизною. Пускаемая съ берегу Татарами стрѣлы Казакамъ ни какого вреда не дѣлали, а напротивъ ихъ огнестрѣльное оружіе дѣйствовало съ желаннымъ усиліемъ противъ непріятеля. Одинъ громъ пушекъ и оружія разогналъ почти всю Татарскую и Вогульскую силу. Въ отмщеніе за это нападеніе Ермакъ, достиг-

³ При Тюменскомъ городскомъ волостномъ Правленіи я видѣлъ, въ 1852 г., четыре затинныхъ пицалы, длиною каждая до 2 арш., толщиною 4 дюйма, дуло въ поперечникѣ 3, а жерло 1½ дюйма; отъ затравки къ заднему концу пицалы четырехугольны. По преданію эти пицалы принадлежали Ермаку. См. Статью мою: «Г. Тюмень,» въ Тоб. Губ. Вѣд. 1858 г., №№ 50, 51 и 52.

ши городка Епанчи (Туринскъ), остановился и, по разграбленіи его, все оставшееся обратилъ въ пепель. Прочія Татарскія деревни, находившіяся при рѣкѣ Турѣ, также были опустошены.⁶

Въ 1580 г., Августа 1, Ермакъ достигъ Татарскаго города Чинги-Тура или Тюмени, и овладѣлъ имъ безъ всякаго сопротивленія. Тюменскіе Татары были богаты хлѣбомъ и скотомъ, и Казаки тамъ заготовили для себя много съѣстныхъ припасовъ. Ермакъ зимовалъ въ Тюмени,⁷ посылалъ въ окрестныя мѣста Казаковъ въ развѣзды, которымъ приказалъ требовать у Татаръ не только съѣстныхъ припасовъ, но и подарковъ, въ видѣ дани, мягкою рухлядью. Изъ посланныхъ Казаковъ пришло нѣсколько въ Тарханскій городокъ, находившійся близъ впаденія рѣки Туры въ Тоболь. Въ это самое время случился тамъ, отправленный отъ Хана Кучума, Татарскій чиновникъ Кутугай, для сбора подати, котораго Казаки взяли въ плѣнъ и представили Ермаку въ Тюмень. Ермакъ спросилъ его, съ учтивостью и почтеніемъ, о здоровьи Хана Кучума и его семейства, и объявилъ, что на будущую весну онъ изъ Сибири возвратится въ Россію. При чемъ приказалъ пяти Казакамъ стрѣлять изъ ружей, чему Татаринъ, никогда не видавши такого оружія, чрезвычайно удивился. За тѣмъ Ермакъ отпустилъ Кутугая въ Сибирь со многими подарками и велѣлъ засвидѣтельствовать свое почтеніе Хану, его супругамъ, сыновьямъ и высшимъ Мурзамъ Ханскаго Двора.⁸ Изъ Тюмени Ермакъ съ Казаками, 9 Мая, 1581 г., отправился внизъ по рѣкѣ Турѣ. Между тѣмъ шесть Татарскихъ Князьковъ, соединившись съ своими людьми, ожидали Ермака при устьѣ рѣки Туры, т. е., близъ Тарханскаго городка. Трое изъ нихъ назывались Кашкара, Варвара и Майтмасъ (нынѣ Татарскія селенія сего названія). Тамъ было жестокое сраженіе, которое продолжалось нѣсколько дней съ перемѣннымъ счастіемъ. Наконецъ Ермакъ побѣдилъ ихъ и взялъ много добычи.⁹

⁶ Описаніе Сибирскаго Царства, Миллера. Книга 1, глава 2, §§ 46 и 47.

⁷ Тамъ же § 48.

⁸ Тамъ же § 49.

⁹ Тамъ же § 51.

Послѣ всѣхъ сказанныхъ сраженій у Ермака значительно уменьшилось число Казаковъ, съ которыми онъ продолжалъ путь свой по Тоболу. У Березовскаго яра опять напала на нихъ Татарская сила и нѣсколько дней ихъ беспокоила; однако жъ, они пробились сквозь непріятеля безъ всякаго урона.

Далѣе по Тоболу, въ томъ мѣстѣ, гдѣ эта рѣка узка и по правую сторону имѣетъ высокій крутой берегъ, Кучумъ приказалъ поперекъ рѣки протянуть желѣзную цѣпь, и послалъ туда съ войскомъ Есаула Алишай, чтобы Казаковъ караулить и зѣсомъ ити впередъ судовъ, когда же суда удержаны будутъ, тогда напасть на нихъ. Такъ и сдѣлалось. Но Ермакъ, чрезъ лазутчиковъ, узналъ о высылкѣ Татарскаго войска и употребилъ слѣдующую хитрость. Онъ заранѣе послалъ ночью Казаковъ на берегъ нарубить прутьяку въ ростъ человѣка и навязать его въ пуки. Приказаніе исполнено: на прутьяковые пуки была надѣта излишняя Казачья одежда. Этѣхъ чучель поставили на суда, оставивъ только нѣсколько Казаковъ, которые бы могли управлять судами, а самъ Ермакъ со всѣми прочими, за нѣсколько верстъ выше яра, вышелъ на берегъ. Татары видѣли много людей (чучель) на судахъ.¹⁰ При закатѣ солнца, когда Татары приносили молитву, по случаю новыя луны, Ермакъ съ товарищами помолились Спасителю, и тихимъ ходомъ подошедъ съ тылу къ молившимся Татарамъ, привели ихъ въ изумленіе, робость, замѣшательство, и разбили совершенно. На томъ мѣстѣ находится нынѣ деревня Караульній яръ.¹¹

За тѣмъ Ермакъ сошелъ съ берега на суда, смѣнилъ прутьяковое войско настоящими Казаками, совершилъ молебень предъ хоругвею Спасителя и отправился далѣе.

Ермакъ съ Казаками прибыли на устье рѣки Тавды. Тамъ, въ числѣ другихъ Татаръ, они взяли чиновника Кучумова Двора, Таузака, который, впрочемъ, освобожденъ былъ, за то, что сообщилъ

всѣ имъ нужныя свѣдѣнія о землѣ своей. Таузакъ, возвратившись къ Кучуму, описалъ Казаковъ воинами неодолимыми, стрѣляющими огнемъ смертоноснымъ на вылетъ, сквозь латы. Но Кучумъ имѣлъ твердый характеръ: рѣшился стать мужественно за свое Царствъ. Онъ собралъ войско изъ Татаръ, Остяковъ и Вогуловъ, выслалъ племянника Маметкула, въ поле, съ многочисленною конницею, на встрѣчу Ермаку,¹² самъ же укрѣпилъ свою столицу, Сибирь, рвомъ, и окрестнымъ Мурзамъ велѣлъ тоже сдѣлать. Кромѣ того, для безопасности, приказалъ, на восточномъ берегу Иртыша, подъ Чувашскимъ мысомъ, сдѣлать засѣку, дабы преградить путь Казакамъ въ г. Сибирь, и по рѣкѣ Тоболу разставилъ караулы, чтобы о приближеніи Казаковъ имѣть свѣдѣніе.

Съ устья Тавды Ермакъ слѣдовалъ далѣе. Но какъ онъ, послѣ 30 верстъ, доплылъ до Бабазанскихъ юртъ, которыхъ владѣльцемъ былъ Мурза Бабазанъ, то тамъ встрѣтило его Татарское войско, подъ предводительствомъ Маметкула, и началось сраженіе. Ермакъ, стоя въ оконѣ, возложилъ упованіе на Бога, и нѣсколькими залпами изъ оружія остановилъ стремленіе десяти, или болѣе, тысячъ всадниковъ Маметкуловыхъ, которые неслись во весь духъ потоптать Русское войско. Ермакъ съ своими Казаками вступилъ противъ Татаръ въ бой, съ чрезвычайною смѣлостью и храбростью. Татарская кровь текла на нѣкоторыхъ мѣстахъ ручьями, и множество лежавшихъ труповъ препятствовало непріятелямъ чрезъ нихъ на лошадяхъ пробиваться. Сраженіе продолжалось пять дней, пока Татарское войско совсѣмъ съ поля было сбито. Маметкулъ обратился въ бѣгство. Это между прочими сраженіями было главнѣйшее.¹³

Казакъ 26 Июля на разсвѣтѣ дошли до устья рѣки Турбы, которая впадаетъ въ Тоболъ съ правой стороны. Тамъ встрѣтила ихъ Татарская сила и грозила нападеніемъ, если они далѣе будутъ слѣдовать. Не въ дальнемъ разстояніи ниже Турбы, по правую сторону Тобола, находится высокій крутой берегъ, который далеко внизъ по рѣкѣ простирается, и отъ того прозванъ

¹⁰ Строгоновская Сибирская лѣтопись, стран. 26—29.

¹¹ Тамъ же, стран. 30—31.

¹⁰ Татары пуцали стрѣлы въ мнимыхъ Казаковъ, но они не падали и стояли крѣпко, чему Татары, не подозрѣвая поддѣлки, прайне удивлялись.

¹¹ Тамъ же § 53.

долгимъ яромъ. Съ этого мѣста Татары слѣдили за Казаками, плывшими по рѣкѣ, и пущали въ нихъ стрѣлы. Видя это, Ермакъ остановился не въ дальнемъ разстояніи, повыше долгаго яра, у острова. Тамъ Казаки отправляли усердныя молитвы Богу, предъ образомъ Спасителя, который былъ изображенъ на военномъ знамени. Послѣ молитвы всѣ они ободрились, и защищеніе Божіе такъ было явно, что изъ несчетныхъ непріятельскихъ стрѣлъ, которыя безпрестанно въ нихъ были пускаемы, ни одна Казакамъ вреда не сдѣлала.¹⁴

Не дойдя до устья Тобола 16 (700 саж.), а по нынѣшнему около 25, верстъ, 1 Августа остановился Ермакъ съ Казаками въ Татарскомъ улусѣ. Въ немъ жилъ Карача, знатный Мурза и думный совѣтникъ Кучума. Съ нимъ Ермакъ имѣлъ жестокое сраженіе и, послѣ одержанной побѣды, взялъ тамъ много добычи, состоящей изъ золота, серебра, жемчуга, дорогихъ камней, а также во множествѣ хлѣба, скота и меду. Въ то время настала постъ Успенія Божіей Матери, который обыкновенно продолжается 14 дней, но Ермакъ самъ приказалъ Казакамъ, по своему обѣщанію, поститься 40 дней, чтобы чрезъ это испросить у Бога въ будущихъ предпріятіяхъ счастья и благополучнаго успѣха. Всѣ эти 40 дней провели они въ Карачинѣ улусѣ спокойно, безъ военныхъ дѣйствій. Оттуда 14 Сентября Ермакъ съ войскомъ слѣдовалъ на судахъ по Тоболу; при устьѣ его встрѣтили множество Татаръ, которые караулили его. Тамъ произошло жаркое сраженіе, продолжавшееся нѣсколько дней, и Казаки одержали побѣду. Отъ устья Тобола Казаки пошли вверхъ по Иртышу, по западному его берегу, и версты чрезъ четыре прибыли въ городокъ Атикъ (Заостровныя юрты). Тамъ жилъ Татарскій Мурза Атикъ. Вышедши на берегъ, Казаки овладѣли этимъ городкомъ, и слѣжали его своимъ становищемъ, сняли въ него все имущество бывшее у нихъ на стругахъ. Они пробыли въ немъ нѣсколько дней. Число войска у Ермака въ сраженіяхъ уже значительно уменьшилось:

¹⁴ По этому случаю можно полагать, не въ дальнемъ разстояніи отъ деревни Долгопирской и села Худяковского, находится, въ березовой рощѣ, на лѣвой сторонѣ дороги изъ Тобольска, въ нѣсколькихъ саженьяхъ, съ давнихъ временъ часовня, и въ ней образъ верукотвореннаго Спасителя.

кромѣ убитыхъ, было не мало и раненыхъ. Въ послѣднюю предъ главнымъ сраженіемъ ночь Ермакъ и главные по немъ совѣтовались съ прочими Казаками, что имъ дѣлать? Раздался голосъ робкихъ: «Мы удовлетворили мести, сказали они, и время ити назадъ. Всякая новая битва для насъ опасна, ибо скоро будетъ некому побѣждать;» но Ермакъ съ прочими главными по немъ и неустрашими Казаками отвѣтствовали: «Нѣтъ, братья, намъ путь только впередъ. Уже рѣки покрываются льдомъ: обративъ тылъ, замерзнемъ въ глубокихъ сибгль, а если и достигнемъ Руси, то съ пятымъ клятвопреступниковъ, обѣщавъ сморить Кучума, или великодушную смертію загладить наши вины предъ Государемъ. Мы долго жили худою славою, умремъ же съ доброю: Богъ свыше дастъ побѣды, кому захочетъ, не рѣдко слабымъ мимо сильныхъ. Да святится имя Его!» Дружина сказала: «Аминь!»¹⁵

Съ первыми лучами солнца 23 Октября войско, выступивъ изъ Атика, подошло къ Чувашскому мысу, стало въ строй. Ермакъ сказалъ имъ: «О други и братья! Умремъ за святыхъ Божіихъ церкви и постраждемъ за истинную Православную Вѣру, Благочестивому Государю и Царю, Великому Князю, Ивану Васильевичу, послужимъ, постоямъ противъ поганыхъ твердо, до крови и до самой смерти. О други и братья! Помолитесь Богу и Пречистой Его Богоматери и всѣмъ небеснымъ силамъ и угодникамъ Его, да сохранятъ насъ отъ враговъ!» Потомъ, возвысивъ голосъ, Ермакъ сказалъ: «Боже! Помози рабамъ твоимъ! О друзья и братья, съ нами Богъ!»¹⁶ и бросились къ засѣкѣ. Непріятель сыпалъ стрѣлы, извѣлъ Казаковъ, и съ трехъ сторонъ самъ, разломавъ засѣку, кинулся въ бой рукопашный: дѣйствовали сабли и конья. Но Казаки стояли крѣпкою стѣною, успѣвали заряжать пищаги и бѣлымъ огнемъ рѣдали толпы непріятельскія, гоня ихъ къ засѣкѣ. Ермакъ и Иванъ Кольцо дѣйствовали впереди, повторяя громко восклицаніе: «Съ нами Богъ!» Слѣпой Кучумъ, стоя на Чувашскомъ мысу горы Алафейской съ Имамами и Муллами, взывалъ къ Магомету, прося его для спасенія Правовѣрныхъ (такъ называютъ се-

¹⁵ Строгоиовская лѣтопись стр. 34 и далѣе.

¹⁶ Тамъ же, стран. 37 и 38.

бя Мусульмане). Къ счастью Русскихъ и къ ужасу Татаръ, Маметкуль былъ раненъ, оставилъ съчу и увезенъ въ лодкѣ на другую сторону Иртыша. Войско Татарское безъ предводителя отчалось въ побѣдѣ. Князья Остякціе дали тылъ, бѣжали и Татары. Кучумъ, слыша, что знамена Христіанскія уже развѣваются на засъкѣ,¹⁷ зная лишеніе своего Царства и имущества, сказалъ всѣмъ своимъ съ горькимъ плачемъ: «О Мурзы и Уланове! Побѣдимъ, не медлимъ, сами бо видимъ своего Царства лишеніе. Сильніи наши изнемогоша и храбріи наши вси побіени быша. Кто мя побѣди и Царства моего лиши! Простыхъ бо людей послаша на мя Строгоновы изъ своихъ острожковъ, свои мнѣ мстити обиды,—Атэмановъ и Казаковъ Ермака съ товарищами.»¹⁸ Потомъ Кучумъ, пришедши въ городъ Сибирь, взялъ тамъ нѣскольکو изъ своихъ сокровищъ, и со своимъ семействомъ и родственниками бѣжалъ изъ бывшихъ на Алафейской горѣ городовъ Сибири,¹⁹ Бичикъ-Тура,²⁰ Сузги-Тура,²¹ Абалака и другихъ въ Ишимскую степь.

Послѣ одержанной побѣды на 26 Октября, на день Св. Великомученика Дмитрія Солунскаго, Ермакъ съ дружиною совершили благодарственное Господу Богу моленіе, прославивши Бога, давшаго имъ такую побѣду на бусурманъ и идолопоклонниковъ, и радостно велию радуясь. «Воистину достойно воспоманути сію побѣду и въ предыдущая лѣта, яко не многимъ войскомъ таково царство взяша, помощію Всесильнаго и угодиномъ Его, стратотерпцемъ Дмитріемъ.»²² Утружденные сраженіемъ, Ермакъ съ Казаками уже ночью пришли съ боя въ свой городокъ Атикъ, укрѣпивъ его сильными караулами, и тамъ почевали.

¹⁷ Изъ знаменъ были главныя: одно съ изображеніемъ Спасителя, другое Святителя Николая. Они взяты были въ Тобольскій арсеналъ, и тамъ хранились.

¹⁸ Строгоновская лѣтопись, стр. 39.

¹⁹ Сибирь иначе Искеръ или Кучумово городище, на 20 верстѣхъ отъ Тобольска, вверхъ по Иртышу, въ сторону отъ дороги около версты.

²⁰ Бичикъ-Тура, женинъ городъ, гдѣ нынѣ Пашинъ бугорокъ.

²¹ Сузги-Тура, гдѣ жила Кучумова жена Сузге.

²² Подлинныя слова Тобольскаго лѣтописца, доведеннаго до 1708 г., рукопись.

На завтра Ермакъ, повѣривъ число своихъ воиновъ, узналъ, что въ сраженіи вчерашняго дня было убито 107 Казаковъ его. Послѣ сего онъ, какъ побѣдитель, съ войскомъ вступилъ въ столицу Кучума, г. Сибирь. Вотъ подлинныя слова Сибирской лѣтописи: «Октября 26 дня разтворила заря врата пространныя, прогнавъ свѣтъ тьму пощную. Пролило солнце лучи свои золото-видныя, наступилъ день. Всѣ Казаки сотворили молитву къ Всемогущему Богу и Пречистой Его Богоматери и Присподѣви Маріи, и вступили въ походъ къ городу Сибири безболзненно. По вступленіи въ городъ, благодарили Всещедраго Бога и Пречистую Дѣву Богородицу, и благодарное принесли молебное пѣніе. А вступили въ городъ въ день памяти святаго Великомученика Дмитрія Солунскаго, за его вспоможеніемъ, Христіанскаго воина Воеводы, отъ небесъ посланнаго на пріятіе города и на побѣду бусурманъ.»²³

На четвертый день, по взятіи Сибири, пришелъ къ Ермаку, съ рѣки Демьянки, Остякцій Князь, по имени Бояръ, со многими Остяками, и поднесъ ему въ даръ много дорогой рухляди и съѣстныхъ припасовъ. Ермакъ принялъ Князя съ прочими очень благосклонно, и представлялъ изъ себя уже не какъ разбойника, но какъ Государя милостиваго. Равнымъ образомъ пришли съ дарами Татары, жившіе по берегамъ Иртыша, Тобола и впадающихъ въ нихъ рѣкъ, которые, во время сраженія Ермака съ Кучумомъ, далеко отбѣжали изъ своихъ жилищъ. Ермакъ далъ имъ позволеніе возвратиться на свои мѣста, и обнадежилъ, что если они бу-

²³ Сибирская лѣтопись, рукопись, принадлежащая библиотекѣ Тобольской Семнаріи, годъ 1581 г., отдѣленіе 7. Съ начала покоренія Сибири и въ послѣдствіи почитали день, когда Церковь совершаетъ память и службу Великомученику Дмитрію, и строили во имя его храмы. Сибирскій Митрополитъ, Филофей Ленинскій, устранилъ новый иконостасъ въ Тобольскомъ соборномъ храмѣ Успеніи, помѣстивъ во ономъ икону Св. Дмитрія Солунскаго. Въ Тюменскомъ монастырѣ завѣщавъ устроить прядѣль во имя сего «покровителя Сибири». Въ 1784 г., въ день памяти Св. Дмитрія, 26 Октября, совершалось празднество 200 л. покоренія Сибири. Но въ послѣдующее время не видно, чтобы особенно праздновался въ Тобольскѣ день, посвященный памяти Св. Дмитрія, который «многю молитою о людяхъ и святомъ градѣ (2 Маркав. XV 14) во благовремену намъ помощю» (Евр. IV, 16.)

дуть спокойно жить и исполнять его велѣнія, то имъ со стороны его ни какого вреда не будетъ.

Ноября 5 числа артель Казаковъ, изъ 20 человекъ, выѣхала къ городку Абалаку; тамъ, подъ высокимъ берегомъ, на луку, при Иртышѣ, находится продолговатое озеро. Въ немъ Казаки ловили рыбу. Не опасаясь никого, ночью легли спать. Маметкуль напалъ на нихъ и сонныхъ убилъ, одинъ только спасся и объявилъ Ермаку. Онъ того же дня съ войскомъ погнался за Маметкуломъ, настигъ его у Шалшинскихъ юртъ, при Иртышѣ. Тамъ, въ сраженіи, было побито много Татаръ, но Маметкуль спасся бѣгствомъ.

Декабря 5 числа пришли къ Ермаку, съ многими подарками, два Князца: Ишоердей изъ за Эскалонскихъ юртъ, и Суклемъ съ рѣки Суклема: они тоже были приняты ласково и отпущены.

На вѣрноподаданство Россіи Ермакъ приказалъ Татаръ и Остяковъ привести къ присягѣ. Въ то же время наложилъ на нихъ погодную дань, разною мягкою рухлядью, особенно собольями. И такимъ образомъ былъ владѣтелемъ небольшого Государства.

Съ донесеніемъ о покореніи Сибири Государю Ивану Васильевичу, Ермакъ, 22 Декабря, 7090 (1581) г., послалъ Атамана Ивана Кольцо съ 50 Казаками, и съ ними собранный ясакъ, состоящій изъ 60 сороковъ соболей, 20 черныхъ лисицъ и 50 бобровъ, и челобитную. Она, по лѣтописцамъ, была слѣдующаго содержанія: «Изволеніемъ Всемилостиваго Бога Господа, въ Троицѣ славимаго, и заступленіемъ Владычицы нашей, Богородицы и присно дѣвы Маріи, и молитвами Великихъ Святителей, всея Россіи Чудотворцевъ, и счастиемъ Вашимъ, Государь и Великій Князь, Юаннъ Васильевичъ, всея Россіи Самодержецъ, и непобѣдимымъ оружіемъ Вашимъ, Царство Сибирское мы, рабы твои, завоевали, и бусурманскаго Хана, Кучума, и вои его побѣдили, и подъ Вашу Царскую Самодержавную руку покорили, многихъ иноземцевъ къ шерти (присягѣ), по ихъ вѣрѣ, привели, чтобы быть имъ подъ Вашею Царскою рукою и ясакъ платить имъ повсягодно, какъ Вамъ, Государь, такъ и наследникамъ Вашимъ, неотмѣнно, и всякія Ваши Государственные службы служить вѣрно, и на непріятелей Вашихъ помощи давать, и къ Хану Кучуму и въ иные улусы и орды не

отъѣзжать, и во всемъ правомъ постоянствѣ стоять крѣпко и непоколебимо.»²⁴

Въ челобитной Ермакъ просилъ также о милостивѣйшемъ прощеніи, какъ за себя, такъ и за своихъ товарищей, въ прежнихъ ихъ преступленіяхъ, и просилъ, чтобы Государь прислалъ въ Сибирь Воеводу, который приметъ бы въ Сибири управленіе.²⁵

По прибытіи въ Москву Атамана Кольца съ Казаками, они были представлены Государю, который повелѣлъ читать челобитную Ермака. За тѣмъ Иванъ IV повелѣлъ въ соборной Успенской церкви отправить благодарственный молебенъ, со звономъ во всѣхъ церквахъ. «Новое Царство далъ Богъ Россіи», съ живѣйшею радостію повторяли во дворцѣ, на Красной площади и во всей Москвѣ. Кольцо и Казаки его во время проживанія въ Москвѣ содержаніе получали отъ Государя.

Съ Кольцомъ послалъ Иванъ IV Ермаку грамоту съ совершеннымъ прощеніемъ его и Казаковъ, за прежнія ихъ злодѣянія. Въ награду Ермаку—два дорогіе панцыря, серебряный вызолоченный ковшъ, какими въ то время жаловали въ награду, соболью шубу «со своего плеча», денегъ 100 р. и половинку сукна; Атаманамъ по шубѣ пяти человекамъ, а Кольцу, какъ второму по Ермакъ, еще въ Москвѣ дано: шуба, половинка сукна, панцырь и 50 р. Казакамъ, бывшимъ съ нимъ въ Москвѣ, 50 человекамъ, дано по портицу сукна и по 5 руб. каждому. Прочимъ Казакамъ послалъ Государь денегъ, суконъ каждому по половинкѣ, вина и запаса со всякимъ довольствіемъ. Въ жалованной же грамотѣ Ермаку было написано: «Сибирскій Князь Ермакъ Тимофѣевичъ съ товарищами! За многую твою военную службу и за взятіе Сибирской земли въ винахъ Мы, Великій Государь, тебя прощаемъ и награждаемъ своимъ Государевымъ жалованьемъ.» Казаковъ же пожаловалъ деньгами и сукнами предовольно, и отпустилъ ихъ

²⁴ Сибирская лѣтопись, рукопись, принадлежащая библиотекѣ Тобольской Семинаріи, 1581 г., отд. 17; Описаніе Сибирскаго Царства, Миллера, книга 1, стран. 113.

²⁵ Вытгенъ о Сѣверной и Восточной Татаріи, 2 изд., стр. 739.

въ Сибирь къ Князю Ермаку.²⁶ Они прибыли обратно 1-го Марта, 1582 года.

Два панциря, присланные отъ Государя Ермаку, по описанію лѣтописца Ремезова, были стальные, битые въ пять колець, «мудрственно», длиною два аршина, въ плечахъ 1 $\frac{1}{4}$ аршина. На груди и между крыльцовъ Государственные гербы, золотые орлы, по подолу и рукавамъ обложка мѣдная на три вершка.²⁷

Въ Московской Оружейной Палатѣ хранятся короны Царствъ: Казанскаго, Астраханскаго и Сибирскаго.²⁸ Нѣкоторые полагаютъ, что Сибирская корона принадлежала Хану Кучуму, и что Ермакъ, по покореніи Сибири, отправилъ ее въ Москву къ Ивану IV. Другіе, отвергая это мнѣніе, догадываются, что корона Сибирскаго Царства сдѣлана въ Москвѣ, по случаю покоренія Сибири. Ибо народы полудикіе, не знавшіе учрежденій общественныхъ, не могли имѣть символовъ, означавшихъ верховную власть.²⁹ Но Сибирскіе Ханы имѣли сношеніе съ Болгарами, народомъ сильнымъ, образованнымъ и славившимся своею гражданственностію и торговлею. Между прочими торговыми путями Болгаровъ, дорога шла до Искера, а оттуда въ сѣверную Сибирь. Сибирскіе Ханы имѣли сношеніе съ Казанскимъ Царствомъ, обитатели котораго также не чужды были образованія, наконецъ съ Россією. Ханъ Кучумъ имѣлъ понятіе о коронѣ. Гора, на которой были городки его: Сибирь или Искеръ, Бицикъ-Тура, Сузги-Тура и Аблакъ, называлась Алафейскою, отъ Арабскаго слова «алафа», корона.³⁰

Ермакъ не упустилъ случая къ дальнѣйшему распространенію въ Сибири завоеваній. Въ 1582 года, Февраля 20, онъ получилъ, чрезъ преданнаго ему, жившаго по близости, Татарскаго Мурау

²⁶ Сибирская лѣтопись, рукопись библиотеки Тобольской Семинаріи, 1582 г., отд. 3.

²⁷ Списокъ Ремезовой лѣтописи въ Императорской Академіи Наукъ, стр. 93, листъ 29.

²⁸ Отечественныя Достопамятности. Москва, 1824 г., часть III, стр. 87.

²⁹ Живописное Обзорѣніе. Москва, т. III, стр. 117.

³⁰ Статья моя: «Гора Алафейская», Тоб. Губ. Вѣд. 1862 г., въ №№ 21 и 22.

Сенбахту Тагина, извѣстіе, что Маметкулъ, съ немногими людьми, кочуетъ при рѣкѣ Вагаѣ, впадающей въ Иртышъ, на разстояніи отъ города Сибири въ 100 верстахъ. Ермакъ отправилъ туда 60 отборныхъ, по храбрости, Казаковъ, которые нашли Маметкула у озера Кулары, нечаянно напали на него ночью, и спавшихъ Татаръ много убили, а самаго Маметкула взяли въ плѣнъ. Онъ съ торжествомъ былъ приведенъ въ городъ Сибирь. Ермакъ обошелся съ нимъ благосклонно, обнадежилъ его Царскою милостию, далъ ему хорошее помѣщеніе, приставивъ къ оному, однако, строгій караулъ, а чрезъ нѣсколько времени отправилъ его, подлѣ присмотрамъ Атамана Грозы, въ Москву. Изъ Разрядныхъ книгъ извѣстно, что онъ въ Россіи служилъ полковымъ Воеводой, въ 1590 году находился въ Шведскомъ походѣ, въ 1598 году былъ съ Царемъ Борисомъ въ Серпуховѣ, для пресѣченія нападенія Крымскихъ Татаръ. Маметкулъ былъ почитаемъ Царскимъ Дворомъ, при томъ вся Москва и войско его уважали.

Въ слѣдующую весну Ермакъ послалъ Пятидесятника, Богдана Брягу, съ 50 Казаками, внизъ по Иртышу, привести въ Россійское подданство Назымскую и Демьянскую, Тауртаскую и Уватскую волости. Князецъ Демьянъ, собравъ Остяковъ и Кондинскихъ Вогуловъ, ожидалъ Казаковъ въ своемъ крѣпкомъ и предстрапномъ городкѣ, находившемся на высокомъ мѣстѣ. Казаки три дня приступали къ этому городку, но взять его не могли, и уже на четвертый день Демьянъ имъ сдался.

Слѣдуя далѣе внизъ по Иртышу, Бряга съ Казаками, 20 Мая, прибыли къ городку Князя Самара. Этотъ Князь съ другими во семью Князцами, которыхъ, для помощи противъ Казаковъ, призвалъ, сопротивлялся Брягѣ, былъ убитъ пулею, отъ чего другіе, а равно и собранные тамъ Остяки, испугались и разбѣжались. Въ городкѣ Самарѣ явился изъ Коды знатный и богатый Остяцкій Князь Алача, котораго Бряга на мѣсто убитаго Самара, опредѣлилъ и все Кодскіе городки до Сугвугъ-Ваша, или настоящаго города Березова, ему подчинилъ.

Весною 1583 года самъ Ермакъ отправился въ походъ на рѣку Обь, для приведенія въ подданство тамошнихъ Югорскихъ и Остяцкихъ Княжествъ. Тамъ Ермакъ взялъ Кодское Княжество

съ городомъ Кодою и другими городками, ²¹ получилъ богатую добычу и наложилъ ясакъ. Слѣдуя далѣе, взялъ Казымскій городокъ, при рѣкѣ Казымѣ, впадающей въ Обь, гдѣ у тамошняго Князя найдено было много богатства.

Въ Июлѣ мѣсяцѣ Ермакъ пошелъ въ другой походъ, по рѣкѣ Тавдѣ, для покоренія жившихъ по оной Вогуловъ. Тамъ взялъ Лабунинскій городокъ, полонилъ Князя Лабуту и получилъ въ добычу множество богатства. Онъ имѣлъ большое сраженіе съ Вогулами, при рѣкѣ Паченкѣ, отъ чего находившееся тамъ озеро наполнено трунами, взялъ городки: Кошуки, Кондирбай и Табары, и собралъ съ тамошнихъ Вогуловъ ясакъ.

Когда Ермакъ возвратился въ городъ Сибирь, то къ нему посланъ былъ нарочный отъ Мурзы Карачи, который имѣлъ свое жительство около рѣки Тары. Карача просилъ Ермака, чтобы онъ отправилъ къ нему нѣсколько Казаковъ на помощь противъ Казачей (Киргизъ-Кайсацкой) Орды, которая грозилась сдѣлать нападенія на Карачинны жилища. Ермакъ, повѣривъ этому, отправилъ Атамана Ивана Кольцо съ 40 Казаками. Но, по прибытіи ихъ къ назначенному мѣсту, Карача всѣхъ ихъ убилъ.

За тѣмъ Карача собралъ многочисленное войско изъ Татаръ и подошелъ къ городу Сибирю, чтобы держать его въ осадѣ, съ предположеніемъ, когда всѣ съѣстные припасы у Русскихъ тамъ кончатся, принудить ихъ къ сдачѣ города. Марта 12 числа, 1584 года, онъ окружилъ городъ со всѣхъ сторонъ. Казаки ночью на 9 число Мая, или день праздника Святителя Николая, сдѣлали вылазку, нашли дорогу, вблизи города мимо Татарскихъ карауловъ, прошли тайно и тихо, и нечаянно напали на своихъ непрітелей въ Саусканѣ. Тамъ большая часть ихъ побита, въ числѣ ихъ и два сына Карачи, самъ же Карача бѣжалъ. И какъ обложившіе городъ Сибирь Татары получили свѣдѣніе о нападеніи Казаковъ на кочевья Карачи, то утромъ тотчасъ поспѣшили туда и напали на Казаковъ. Сраженіе продолжалось до полудни, и хотя

²¹ Кода, гдѣ жилъ тогда Кодскій Князь; въ послѣдствіи тамъ основалось село и Кодинскій Троицкій монастырь.

Казаки жестоко тамъ потеряли, но наконецъ непріатель съ великимъ урономъ отбитъ, и Русскіе съ побѣдою возвратились въ городъ Сибирь.

За тѣмъ Ермакъ, продолжая свои завоеванія вверхъ по Иртышу, взялъ городокъ Князя Бегниша, находившійся на высококомъ мысу горы, выше озера Бегиншевскаго, при рѣкѣ Иртышѣ. Оттуда пошелъ Ермакъ въ Шамши, Рянчикъ, Залу и Каурдакъ. Шамши находился въ 20 верстахъ отъ Абалака. При Залѣ было небольшое сраженіе, а изъ Каурдака всѣ бывшіе жители убѣжали въ дремучіе лѣса. Потомъ Ермакъ дошелъ до городка Саурганша. Тамъ владѣлецъ, надѣясь на свою силу, приготовился къ сопротивленію, однако жъ скоро приведенъ былъ Казаками въ подданство Россіи. За тѣмъ былъ на дорогѣ городокъ Тебенда, гдѣ Князецъ Елигей, изъ поколѣнія Ишимскаго Хана, Саргачика, имѣлъ свое жилище. Онъ добровольно покорился Ермаку, принесъ ясакъ и подарки. Привелъ было къ нему и дочь свою, прекрасную дѣвицу, которую Ханъ Кучумъ доставалъ въ замужество за своего сына, но Ермакъ этого предложенія не принималъ, и далъ приказъ Казакамъ, чтобы не касались этой дѣвицы.

При устьѣ р. Ишима Ермакъ съ Казаками встрѣтили сопротивленіе. На бывшемъ тамъ сраженіи убито пять Казаковъ, въ память которыхъ Татары сложили пѣсню; она начинается такъ: «Янымъ, янымъ, бинъ Касакъ», т. е., «Воины, воины, пять Казаковъ». Побѣда была на Русской сторонѣ.

Слѣдуя далѣе вверхъ по Иртышу, Ермакъ пришелъ въ укрѣпленный городокъ Кулзару, на западномъ берегу Иртыша, при озерѣ Аусакау. Это мѣсто прежде служило Хану Кучуму для защищенія границъ противъ Ногайцевъ. Пять дней Ермакъ силлся взять это укрѣпленіе, но отступилъ безъ успѣха.

За тѣмъ слѣдующій на пути Татарской городокъ назывался Ташатканъ. Тамъ жители безъ боя сдались и принесли все, что отъ нихъ было потребовано. Около этого городка тогда лежалъ камень багроваго цвѣта, величиною съ санный возъ, о которомъ Татары объявили Ермаку, что онъ упалъ съ неба, и отъ него происходитъ по временамъ холодъ, дождь и снѣгъ. По суевѣрью

Татаръ, есть и некоторые камни, называемые ими «гиръ-ташъ», т. е., камни, производящие погоду. После сего Ермакъ дошел до Татарской деревни Шишъ-Тамака. Жители ее были бѣдны, и Ермакъ поступилъ съ ними кротко, не требуя подарковъ. Оттуда онъ пошелъ обратно. По прибытїи въ Ташатканъ, получилъ свѣдѣнїе, что идетъ въ Сибирь Бухарскїй караванъ съ товарами, по берегу р. Вагая. Ермакъ, для принятїя этого каравана, ѣхалъ до Агицкаго городка. По прибытїи къ Атыбапу, Ермакъ, не видѣвши каравана и не получивъ объ немъ подтвърдительнаго свѣдѣнїя, гдѣ имени онъ находится, догадался, что свѣдѣнїе, сообщенное ему о ходѣ каравана, ложное, и по тому, не дожидаясь его, свѣшилъ въ г. Сибирь. Доѣхавши до переконки, которую онъ незадолго предъ тѣмъ велѣлъ прокопать изъ озера Табая въ Иртышъ, за наступленїемъ темной ночи и для отдохновенїя послѣ похода, расположился почевать на берегу острова, который окруженъ р. Иртышемъ и переконью, не опасаясь нападенїя отъ непрїятеля, котораго близо не предвидѣлъ. Хотя и разставлены были караулы, но отъ бывшаго вѣтра и проливнаго ночью дождя, караульные плотно закрылись и заснули. Между тѣмъ Кучумъ издалъ велѣнїе наблюдать за походомъ Ермака и узнавъ о неосторожности его и Казаковъ въ ночь съ 5 на 6-е Августа, подошелъ въ полночь къ стану и убилъ всѣхъ Казаковъ. Самъ Ермакъ въ то время не былъ убитъ. Онъ пробился сквозь непрїятеля къ стоящимъ у берега судамъ и былъ уже отчасти въ безопасности. Хотѣлъ перескочкомъ, съ одного судна на другое, спастись, но это послѣднее судно отъ берега нѣсколько вѣтромъ удалилось, и Ермакъ, оскочившись, палъ въ воду, а вмѣстѣ на себя тяжелые, жалованные Царемъ, панцыри, не могъ выплыть, утонулъ. Мертвое тѣло его найдено, 13 Августа, при Татарской деревнѣ Енанчинскїя Юрты, которая отъ Абалака вверхъ по Иртышу въ 12 верстахъ. По снятїи съ него панцырей и кафтана, Татары раздѣлили ихъ. Одинъ панцырь достался Татарскому Мураѣ Кайдаулову, другой Остяцкому Кодскому Князю Алачѣ, кафтани Татарскому Князю Сейдяку, а сабля Мураѣ Карачѣ. Въ 1651 г., по грамотѣ Царя Алексѣя Михайловича, панцырь у Кайдаулова взятъ, и Тобольскимъ Воеводой, Княземъ Иваномъ Андреевичемъ

Хилковымъ, съ Сотникомъ Ремезовымъ отправленъ въ подарокъ (Бадмыцкому) Тайшѣ Аблаю.²²

Миръ праху твоему, Ермакъ!
 Да утѣшаютъ Россїице
 Изъ злата вылитый твой аракъ,
 Изъ ребрь Сибири источенна
 Твоимъ богатнымъ копейемъ.²³

Сибирскїй лѣтописецъ такъ описываетъ видъ и душевныя свойства Ермака: «Въ бо велими мужественъ, и разуменъ, и человекъ, и араченъ, и всякой мудрости доволенъ, плосколицъ, чернъ брадою и власы, прикуривъ, возрастъ среднїй и плоскъ, плечистъ».²⁴

Вотъ очеркъ жизни Ермака, покорителя Сибири. Пусть потомство забудетъ черныя строки въ его первоначальной, удалой жизни, и не осуждаетъ человека, загладившаго свои преступленїя великою заслугою Отечеству! Можетъ быть, Ермакъ доведенъ былъ до злодѣйской или, какъ тогда называлось, удалой жизни дурнымъ товариществомъ, или другими какими ни будь неблагоприятными для него обстоятельствами; можетъ быть, ему желательно было и прежде, нежели пошелъ въ Сибирь, оставить разбойническую жизнь, но не встрѣтилось удобнаго случая вырваться изъ среды своихъ товарищей, избравшихъ его Атаманомъ. Можетъ быть, находясь въ ватагѣ разбойниковъ, онъ чувствовалъ внутри себя ту неопытную силу, какою Провидѣнїе одаряетъ людей, назначенныхъ свыше къ исполненїю великихъ Его намѣренїй.²⁵ Но въ путяхъ Провидѣнїя, для дѣла великихъ часто избираются слабыя орудїя, да немощь ихъ явнѣе покажетъ вселѣтельную силу Божию.

²² Сибирскїя лѣтописи, рукопись библиотекн Тобольской Семинарїи, 1651 г., отд. 3.

²³ И. П. Дмитриевъ, въ Ермакъ.

²⁴ Вышенпроезская Сибирскїя лѣтописи Ремезова.

²⁵ Изъ разсужденїя моего (когда я былъ Учителемъ Тобольскаго Удѣльнаго Училища), читанаго на публичномъ актѣ Училища въ 1840 г.

Но въ книгѣ судебъ написано Ермаку жить въ Сибири не долге, какъ около четырехъ лѣтъ, не опредѣлено самому его продолжать дальнѣйшія завоеванія. Хитростию Хаца Кучума онъ лишился жизни. И по тому, что трудами его, военною опытностію, храбростию и кровію его дружины было приобрѣтено, на присоединеніе къ Россіи, все со смертію его потеряно. Присланный въ Сибирь Воевода и Русскіе люди бѣжали въ Россію. Татары снова овладѣли Сибирью, и сынъ Кучума, Алей, принялъ въ ней управленіе, но вскорѣ замѣнить Сейдакомъ, сыномъ Бекбулака, Князя Сибирскаго, котораго Кучумъ убилъ и овладѣлъ Сибирью, около 1540 г. Судя по этому, кажется, что Ермакъ ни чего по завоеванію Сибири потомству не оставилъ, за что можно было бы почитать его память. Страна эта со всѣми ея жителями, сокровищами, по тремъ царствамъ природы, завоевана уже послѣ него, то войсками, присылаемыми отъ Русскихъ Царей, то стараніемъ и дѣйствіями сначала Воеводъ, потомъ другихъ высшихъ правителей Сибири.²⁶ Ермакъ имѣлъ всѣ достоинства героя, трезвость, воздержаніе жизни, довѣренность и дружбу къ товарищамъ, духъ предпринимчивости, тонкость въ выдумкахъ, рѣшительность въ непредвидимыхъ трудностяхъ, храбрость, желаніе загладить вины свои и бить полезнымъ Отечеству, раскаяніе въ грѣхахъ и набожность. Наиболѣе же подкрѣпляли его Вѣра и хоругвь Спасителя, въ войскѣ его развѣвавшаяся. Хотя Ермакъ Тимофеевичъ ни чего особеннаго потомству по завоеванію Сибири не оставилъ, кромѣ памяти о храбрости и сказанныхъ его душевныхъ свойствахъ, да кромѣ иконъ, изъ походной его часовни, во имя Святителя Николая,²⁷ но *dimidium facti habet, qui bene coepit*, т. е., хорошее начало — половина дѣла. Пусть эта мысль Горация, древняго Римскаго поэта, принадлежитъ Сибирскому герою! Безъ на-

²⁶ Изъ того же моего разсужденія.

²⁷ Въ Tobольскомъ церковномъ храмѣ находится образъ Христа Спасителя съ предстоящими, воступившій съ протими изъ часовни Ермаковой. Въ числѣ ихъ имѣлась икона Святителя Николая, которую бывший Архіепископъ Tobольскій Евгенийъ, въ Июлѣ 1826 г., превозводилъ въ С. Петербургъ ко дню коронаванія Государя Императора Николая Павловича. По прежнимъ и новымъ описаніямъ Tobольскаго собора. Статьи мои: «Старинныя иконы въ Tobольской Епархіи», напечат. въ 1 томѣ «Извѣстій Императорскаго Археологическаго Общества.»

чала покоренія Сибири Ермакомъ, Иванъ IV, приобрѣтши, въ свою очередь, два Царства, Казанское и Астраханское, приближавшійся уже тогда къ закату дней своей жизни, едва ли бы рѣшился на покореніе Сибири, состоявшей подъ управленіемъ усилившагося Кучума. Безъ начала Ермакова, кроткій, мирный и слабый здоровьемъ Царь Федоръ Ивановичъ не послалъ бы, въ 1586 году, войска къ возвращенію Сибири. Безъ начала Ермакова, Царь Борисъ, въ семилѣтнее свое царствованіе, среди Государственныхъ занятій, не сдѣлалъ бы такихъ умныхъ и благотѣльныхъ повелѣній, какія потомство читаетъ въ Исторіи его. Но что говорить о времени по смерти Годунова, когда бѣдствія раздирали сердце нашего Отечества, когда вѣнецъ Царскій перелеталъ съ главы на главу, искалъ достойнаго носить его, когда сама Россія была въ рукахъ непрітелей и едва не лишилась своей самостоятельности? Кто могъ тогда подумать о завоеваніи Сибири? И если бы незабвенный потомствомъ Ермакъ не проникнулъ туда въ царствованіе Ивана IV, то можно полагать, что Сибирь покорена была бы не ранѣе царствованія Михайла Федоровича Романа, который, оградивъ самую Россію отъ вѣдшихъ непрітелей, терзавшихъ ее во время Самозванцевъ и междуцарствія, устроилъ гражданское благосостояніе и миръ въ ней.

Покоритель Сибири скончался, слава побѣдъ погребена съ нимъ, но храбрость и военная дѣла его не могли выходить изъ памяти покоренныхъ имъ народовъ. Они во всякомъ Русскомъ начали ожидать новаго завоевателя Сибири, который принесетъ опять грома оружія и имя Царя Блага. Послѣ побѣдъ и завоеваній Ермака тогдашніе Татарскіе правители упали духомъ. Всѣ военныя ихъ хитрости храбростию Ермака ослаблены. Азіятская отважность, при нападеніяхъ на непрітеля, исчезла, и мѣсто ея заступило отчаяніе. Тайное предчувствіе внушало имъ, что время Татарскаго владычества въ Сибири кончилось и опредѣленіе судьбы скоро надъ ними совершится. Сибирью опять овладѣютъ Русскіе и народы ея сдѣлаются подданными Христіанскаго Государя.

Отъ имени Ханской столицы, Сибири, назвалась этѣмъ именемъ и вся тамошняя страна. Царь Федоръ Ивановичъ въ 1586 г. отправилъ въ Сибирь новое войско, подъ начальствомъ Воеводы Василья Сукина, товарища его, Ивана Мясова, и Пись-

меннаго Головы, Давила Чулкова. Они, по проплымъ Ермакомъ рѣкамъ, прибыли въ область Сибирскую, и первые два основали городъ Тюмень. Писменный Голова Чулковъ, съ 500 Казаковъ, по р. Турѣ и Тоболу дошелъ до устья сего послѣдняго, и основалъ Тобольскъ, сдѣлавшійся въ послѣдствіи главнымъ, стольнымъ городомъ Сибирскаго Царства. Отъ этихъ двухъ городовъ началось дальнѣйшее покореніе Сибирскаго края. Тамашніе Воеводы и другіе бывшіе правители, соревнуя другъ другу, приводили въ подданство туземные народы и племена, и въ продолженіи 280 лѣтъ къ Россіи присоединилась обширнѣйшая полоса мѣстности отъ Уральскихъ горъ до Тихаго океана и отъ Ледовитаго моря до владѣній Китая и Туркестанской области. Площади, заключающейся въ этихъ предѣлахъ, по примѣрному исчисленію, вмѣщаетъ до 12,702,746 квадратныхъ верстъ.³⁸ Народонаселеніе простирается до 4,230,938 д.³⁹

Природа въ Сибири величественна и разнообразна. Богатства ея неисчислимы, по всѣмъ тремъ царствамъ природы. Приведу здѣсь, по крайней мѣрѣ, драгоценности. Золото, серебро, драгоценныя разноцвѣтные каменья: изумруды, тяжеловѣсы, хризолиты, бериллы, аквамарины, аметисты, турмалины; дорогіе звѣрилсицы, соболы и бобры.

Вотъ картина Сибири:

Дщерь Азіи, богато надѣлена,
По статнымъ и дорогимъ раменамъ
Бобрювою непрошеной облечена,
Съ собольими хвостами по грудямъ,
Царевна серебряный вѣнецъ носила
И нестройными камнями блестяща,
Славить паперница, орды грозныхъ мать—
Сибирь, тебя мнѣ любо вспоминать!

Первый Сибирскій Архіепископъ, Кириль, на другой годъ своего прѣзда въ Тобольскъ, въ 1622 г., призвалъ къ себѣ остав-

³⁸ Числительныя данныя о поверхности Азіатской Россіи М. П. Венюкова. Известія Императорскаго Русскаго Географическаго Общества, т. 1, № 3-й, 1865 г.

³⁹ Календарь на 1866 г.

шихся въ живыхъ Ермаковыхъ воиновъ, распросить ихъ о сраженіяхъ съ Татарами, сколько было всей дружины и кто изъ нихъ гдѣ убитъ. Казаки доставили ему письменныя свидѣнія. Имена Ермака и Казаковъ, убитыхъ при покореніи Сибири, Архiepистырь велѣлъ записать въ Синодикъ соборной Софійской церкви и «заношедалъ», въ Недѣлю Православія (Сборное Воскресенье) въ соборѣ Протоіакопу «велегласно кликами воспоминати имена ихъ и возглаголати имъ вѣчную память каждогодно» до скончанія, т. е., и въ будущія времена: «Преданія сохрани, преданіе держите» (2 Солун. 2, 15; 1 Тимоев. 6, 20, Коринт. 11, 2).⁴⁰

Въ Синодикѣ записано: «Помляни, Господи, пострадавшихъ, ради имени Твоего Святаго и кровь свою пролившихъ по благочестію, побѣдиша въ Сибири безбожнаго Царя Кузума, Атамановъ: Ермолая (Ермака — Василія), Іоанна (Кольцо), Никиту, Іакова, Матвѣя и дружину ихъ: Сергія, Іоанна 3, Андрея 3, Тимофея 2, Іоаннима, Григорія, Алексѣя, Никона, Михаила, Тита, Феодора 2, Іоанна 20, Артемія, Логина, Іоанна, Владиміра, Василія 2, Лукіана, Іакова, Савву, Петра 2, и прочую ихъ дружину, а имена ихъ Ты, Господи, вѣси; согрѣшенія ихъ презри и сподоби всѣхъ ихъ небеснаго Твоего Царствія!»⁴¹

Императоръ Николай Павловичъ Высочайше повелѣлъ соизволилъ: «Поставить въ Тобольскѣ памятникъ Ермаку, подвиги котораго открыли первый путь къ обогащенію, извлекаемому нынѣ изъ Сибири.» Этотъ памятникъ состоитъ изъ мраморной пирамиды, имѣющей въ основаніи 6 аршинъ и 6 вершковъ, вышиною 7 саж. 14 вершковъ. Подножіе пирамиды имѣетъ гранитное. Всѣ части памятника были строены и обдѣланы на Горношпитскомъ заводѣ, на счетъ Кабинета Его Величества; расходы, потребныя для отдѣлки нижней гранитной части, для доставки пирамиды на мѣсто, установки оной, для основанія и проч., покры-

⁴⁰ Статья моя: «Кириль, первый Архіепископъ Сибирскій.» Духовный журналъ Странникъ 1864 г., въ книжкѣ за Августъ, в Тобольскій, Губ. Вѣд. за 1858 г. № 4.

⁴¹ Сибирсканъ лѣтопись, рукопись бібліотеки Тобольской Семинаріи, поль 1622 г., отд. 6.

вались изъ суммы частныхъ пожертвованій, сдѣланныхъ по подпискѣ, преимущественно владѣльцами заводовъ и золотосодержащихъ розешей. Сверхъ того, 10 Мая, 1837 г., Высочайше назначено изъ Государственного Казначейства 11,000 р. асс., для удовлетворенія окончательныхъ потребностей по сооруженію памятника, для которыхъ оказалось недостаточною сумма, образовавшаяся изъ добровольныхъ приношеній. На заведеніе рѣшетки около памятника Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ Демидовъ и Корнетъ Яковлевъ пожертвовали по 3000 р. асс.

Въ 1837 г. Государь Наслѣдникъ Престола, Великій Князь Александръ Николаевичъ, иынѣ, Божіею милостію, благополучно царствующій Императоръ, при посѣщеніи Тобольска, 1 — 3 Іюня, удостоилъ осмотрѣть мѣсто, гдѣ предположено было постановить памятникъ Ермаку.

Въ 1839 г., Августа 23, происходило въ Тобольскѣ открытіе памятника Ермаку, покорителю Сибири, слѣдующимъ образомъ: По окончаніи литургіи въ 11 часовъ до полудня прибыли въ Тобольскій кафедральный соборъ Генераль-Губернаторъ Западной Сибири, Генераль отъ инфантеріи, Князь Петръ Дмитриевичъ Горчаковъ (пріѣхавшій по этому случаю изъ Омска 20 Августа), Гражданскій Губернаторъ, Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ, Иванъ Дмитриевичъ Талызинъ, гражданскіе чиновники и граждане (военные же съ войсками находились близъ памятника). Подняты были иконы, и Ректоръ Тобольской Семинаріи, Знаменскаго монастыря Архимандритъ Евѣимій (Преосвященный Архіепископъ Аванасій отбывалъ для обозрѣнія Епархіи), со всѣмъ городскимъ духовенствомъ пошли къ памятнику, при званіи во всѣхъ городскихъ церквахъ. По приходѣ туда началось благодарственное Господу Богу молебствіе. Послѣ освященія воды отецъ Архимандритъ окропилъ памятникъ святою водою (для чего прежде сняли съ памятника холщевую чехолъ), также войско, шедши по рядамъ, и по приходѣ на мѣсто молебна, произнесъ чувствительную рѣчь. Послѣ много лѣтій Государю Императору и всей Августѣйшей Фамиліи и гбнія «многая лѣта,» Діаконъ произнесъ: «Ермаку Тимоѣевичу вѣчная память», а затѣмъ Всероссійскому Христолюбивому и побѣдоносному

воинству «многая лѣта!» Изъ пушекъ произведенъ былъ 101 выстрѣлъ.⁴²

За всѣми выше сказанными доводами, можетъ ли потомство не почитать безсмертныхъ подвиговъ Ермака, когда первородный сынъ Императора, первый изъ Царственной Фамиліи посѣтившій Сибирь, удостоилъ своимъ взоромъ то мѣсто, на Чукманѣ, гдѣ нынѣ красуется памятникъ Ермаку; когда Императоръ Николай I-й, отличивъ подвиги, почтилъ Ермака, утвердивъ его въ имени «покорителя Сибири,» постановленнымъ памятникомъ, съ надписью: «Покорителю Сибири, Ермаку». Въ этой надписи выражается благоволеніе къ нему Монарха, благодарность потомства. Да, Ермакъ былъ великій человекъ — герой, и съ этѣмъ именемъ пусть останется на вѣки у потомства!

Великій! Гдѣ бы ты ни родился,
Хотя бы въ варварскихъ нѣказахъ,
Твой подвигъ въ жизни совершился,
Хотя бы исчезъ твой самый прахъ.

.....
.....
.....
Но ты, великій человекъ,
Пойдешь въ ряду съ полубогами
Изъ рода въ родъ, изъ вѣка въ вѣкъ;
И славы лугъ твоей затмится,
Когда померкнетъ солнца свѣтъ,
Со трескомъ небо развалится,
И время на косу падеть!⁴³

⁴² Всѣ выше изложенныя о памятникѣ свидѣнія изъ моихъ записокъ, недѣльных во время прозванія моего въ Тобольскѣ.

⁴³ Изъ стихотворенія И. И. Дмитриева.